

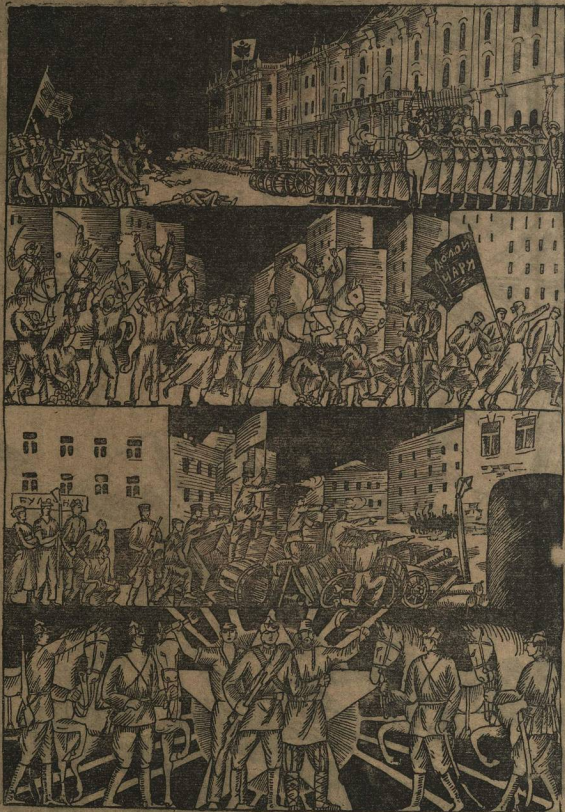
Р. АРМИИ С. В. С. Р. С. Р.
ПРОЛЕТАРИАТ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

КРАСНОАРМЕЕЦ

№ 31-32

ПУТЬ К ПОБЕДЕ.

1. Январь 1905 г. — «Мы жертвою пали в борьбе роковой». 2. Декабрь 1905 г. — «Вставай, поднимайся рабочий народ!» 3. Октябрь 1917 г. — «Вставай, пролиятьем заклейменный!» 4. — «Над миром нише знамя есети!»

КРАСНОАРМЕЕЦ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЛИТИКИ

№ 31—32. Январь. 1921 г.

Восставший народ.

Мы пришли от машин, от плугов,
Променили покой на войну,
Чтоб от дерзких и хищных врагов
Защитить трудовую страну.
Мы пришли, чтобы кровью своей
Написать на страницах веков,
Что познавших свободу людей
Не загнать снова в цепи рабов.

Мы за волей и счастьем пришли,
За оплеванный встали народ...
Берегись нас—кто миру несет
Рабство, голод и черные дни!..
В этот трудный решающий час
Загораются души огнем!..
Силой грозной трудящихся масс
Всех, кто против нас, в битве сметем!..

Л. Ми, ошниченно.

Победа.

Разгромив Врангеля, последыша русской реакции, Советская Россия еще раз перед всем миром демонстрирует свою силу, крепость и непреклонную волю к победе.

Неудачный барон был звеном в цепи контр-революции, при помощи которой капиталистический мир Антанты пытался задушить нашу советскую социалистическую революцию. Но героические бойцы рабоче-крестьянской Красной армии, грудью защищавшие завоевания революции, рвали эту цепь на куски и беспощадно уничтожали эти оторванные звенья одно за другим. Краснов, Каледин, Миллер, Юденич, Деникин, Колчак, Семенов, Врангель, — вот эта длинная цепь контр-революции, которая сковывала Советскую Россию со всех сторон, но теперь этой цепи больше нет. Цепь прорва-

лась, рассыпалась под ударами красного молота, и обрывки ее оказались сброшенными в моря и океаны, омывающие красную Советскую Республику.

Почему капиталистический мир Антанты хотел во что бы то ни стало задушить Советскую Россию? Почему банкиры всего мира не жалели золота на поддержку русских контр-революционных генералов? Почему этим генералам без конца посылались пушки, снаряды, танки, пулеметы и т. д.?

Потому, конечно, что капиталистический мир боялся русской пролетарской революции. Пожар русской революции грозил превратиться в мировой пожар и капиталисты и банкиры всего света вполне основательно боялись, что огонь революции не пощадит и ветхого капи-

стического знания и они надеялись при помощи наемных генералов, дальбой из пушек по русской революции потушить революционный пожар. Душцы, ослепленные своей ненавистью, не понимали, что пушки могут поворачиваться, на лафетах, что пушками может пользоваться также и революция и этим увеличивать силу своего революционного огня.

Мы это поняли с первых дней октябрьской революции и поэтому мы и свернули Советскую Россию в один вооруженный лагерь, мы противопоставили одраченной и обманутой солдатине Антанты и оравшей отечественной белогвардейщине — вооруженный пролетариат. Мы создали такую ситуацию — спаянную единой волей к победе — Красную Армию.

Горячая революционная поэма Советской России слишком жгла ноги обманутых иностранных солдат, чтобы они могли быть устойчивыми против нашей Красной армии — вот почему Антанга не смогла и в дальнейшем не сможет непосредственно сражаться с русской революцией. Капиталистический мир это понимает, поэтому — то он и ищет лазеек и надушивает слабые места, в которые можно было бы смертельно ужалить Сов. текую Россию.

Но мы не позволим этого сделать врагу.

Победив — мы будем стоять на страже нашей победы.

В то время, как на фронтах бойцы Красной армии с оружием в руках будут стоять на страже завоеванных позиций, готовые каждую минуту отразить очередную атаку врага, — в тылу на фабриках и заводах мы будем готовить им пресмыкающихся — бойцов за мировое освобождение трудящихся — мировую социальную революцию.

В минуту передышки от битв мы участвуем ударами молота на наших фабриках и заводах. Молот в руках рабочего, соха в руках крестьянина и винтовка в руках красного бойца, — вот в чем сейчас на другой день после нашей победы Советская Россия может закрепить свою победу.

Советская Россия — героический боец, победивший на поле брани: израненный, истекающий кровью, безмерно усталый, но высоко держащий в руке красный факел, возмещающий трудящимся всего мира о его победе пролетариата.

Продержится боец — не упадет из обессиленной руки факел — мировая революция может торжествовать свою победу.

Красноармейцы, рабочие и крестьяне, бившиеся за завоевания революции, крепче сожмите в своих руках винтовку, соху и молот и закрепляйте вашу победу.

Ваша победа — победа мировой революции!

Вл. Вилгнский Сибиряков.

За работу!

Мы побеждаем! Ураганом
Срываем тучи с небес,
Чтоб солнце дало исцеление ранам,
Чтоб мрак нагекки исчез.

Мы исстрадались. Мы голодны,
Нам нужен отдых и счастье —
Неизмеримо горе народное,
Неизмерима и власть.

Просторно рукам могучим,
Свободно дышит грудь, —
Рукава для работы засучим,
В работе ведь вся суть!

Заметнулся порывом крылатым
Молот, и сталь поет, —
Всеуслышными грома раскатами
Зовет на работу, зовет!

Враг сражен, разбиты оковы,
На пути трудовом нет помех —
За работу! Будем строить жизнь новую,
Строить радость и счастье для всех!

Ф. Радванский.

Почему Советская власть победила своих врагов.

Когда в октябре 1917 г. рабочие, солдаты и матросы Петрограда свергли правительство Керенского и провозгласили власть рабочих и крестьянских Советов, буржуа, чиновники, офицеры, студенты, ученые все в один голос завопили: «Это затея на 3 недели. Виданное ли это дело, чтобы полуграмотные мастера-владельцы да мужики-лапотники управляли таким великим государством. Да разве кто их станет слушаться? Разве их признают иностранные государства?» И начали саботаж. Учителя не захотели учить учеников, чиновники заниматься делами, офицеры разбежались из армии и все стали ждать, когда большевики себе голову сломят. А большевики, ничтоже сумняшеся, взялись за дело. Созвали съезд Советов всей России, выбрали на этом съезде Всероссийский Центр. Исполн. Комитет и Совет Народных Комиссаров, ответственных перед всем рабочим народом. Стали править в согласии с неунывающим простым народом, прекратили войну, которую царское правительство вело за интересы французских капиталистов, отдали землю крестьянам, фабрики и заводы взяли в свои руки, отняв их у капиталистов.

Мирный труд, без всякого угнетения и насилия, стал знаменем Рос. Сов. Республики. Но удержать власть было труднее, чем ее взять. Все те хищники, которые пострадали от рабочей революции, начали борьбу против Советской России. Офицеры за золотые погоны, помещики за свои земли, фабриканты за свои фабрики, чиновники за свое право куражиться над народом, а английские и французские буржуа за проценты по долгам, заключенным царским правительством. Они поднимали против Советской власти восстания среди темной массы казачества, среди деревенских кулаков, они составляли целые отряды из офицеров и студентов, купеческих сынков, они избуживали пленных чехо-словаков, они собирали против Советской России целые армии из иностранцев. И все эти затеи кончились крахом. Советская Россия разбилла генеральские армии на севере, на востоке, на юге, на западе. Она победила Корнилова, Краснова, Каледина, Дутова, Колчака, Деникина, Шкуро, Мамонтова, Петлюру, Скоропадского, Юденича, Миллера, Врангеля и рядных других царских генералов. Она за-

ключила мир с соседними государствами: с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, Финляндией, Грузией, Арменией. Она заставила французское и английское правительства убрать свои войска из России и объявить о прекращении блокады.

Советская власть должна была преодолеть на своем пути чрезвычайные трудности: саботаж интеллигенции, измену офицерства, восстания блогардейцев, вмешательство иностранцев, блокаду своих берегов, разрушение промышленности, и все эти препятствия она преодолела.

В чем же сила и мощь Советской власти?

В том, что она власть рабочих и крестьян. В том, что русский трудовой народ знает, что Советская власть состоит из его трудовых избранных, что она твердо блюдет интересы рабочего люда, что она никогда не скрывает от народа правды, а, наоборот, ищет в нем поддержки. Она покрыла Россию сетью школ и курсов, где простые люди учатся управлять государством и промышленностью, она тысячи молодых рабочих и крестьян отправила на командные курсы и сделала из них красных офицеров, она ввела бесплатное питание для детей во всех городах Советской России, она ввела трудовую повинность для всех граждан без изъятия, она поручила заботу о распорядках труда профессиональным рабочим союзам. Всегда и всюду черпала она свою силу в недрах трудового народа, а мощь народа неисчерпаема.

Поддела уже сделано. Побужденны генералы, приведена к работе интеллигенция, введен твердый революционный порядок, отвоеваны самые богатые окраины России, Украина, Дон, Кубань, Баку, Донецкий бассейн, Сибирь, Архангельск стали налаживаться железные дороги, улучшилось питание рабочих и служащих, стали поступать товары из-за границы.

Теперь осталось оживить вялую промышленность, развить угольные богатства Донецкого бассейна, нефтяные промыслы на Кавказе, горные промыслы на Урале, мануфактурные предприятия в Москве и Советская Россия станет самой богатой страной в мире.

Что же дальше?

Наша задача блестящая, но трудная. Мы должны воссоздать народное хозяйство России, обеспечить рабочим и крестьянам возможность пользоваться всеми богатствами нашей страны, поднять просвещение масс, сделать их сознательными участниками строительства новой жизни на началах свободного труда. Но работа над этой великой, мирной задачей, мы должны быть все время на страже. Мы сделали только полдела. Мы разбили Колчака, Деникиных и Врангеля, но мы не уничтожили нашего главного врага — Антанту. Ведь только ее помощью держалось все генеральское отродье. Разве могли бы барды купеческих сынков, золотопогонных офицеров даже при помощи обманутых казаков и деревенских кулаков бороться против 150 миллионов крестьян и рабочих? Только золото и оружие Антанты.

только помощь на рвленных на нас Францией поляков, только блокада, которой подверг флот союзников наши берега, помогала им держаться.

Теперь Антанта, несомненно, замышляет против нас новый поход. Ее агенты шуряют по всему миру, восстанавливают против нас Турцию, Венгрию, Румынию, а внутри России занимают шпионством и контр-революционными заговорами.

Мы должны все время быть на чеку. Мы не можем еще перековать мечи в плуги, мы должны зорко следить за всеми шагами нашего неумолимого врага и быть готовыми в любой момент отразить его нападение.

С молотом в одной руке, с винтовкой в другой будем мы творить новую жизнь вплоть до того момента, когда власть капитала рухнет во всем мире, и соядастся настоящее братство трудящихся всех стран.

Семен Гарин.

АНТАНТА ЖИВА!

Будь на чеку, гдди нападений новых!
Еще не время нам винтовку снять с плеча.

Ведь там рабочие попренимму в оно ах
И мчр попренимму в руках у бо ача

Нилыч.

(Рассказ.)

Нилыч вышел из своей хибарки на огромный запущенный двор завода.

Моросил мелкий осенний дождь. Облака повисли над самой крышей здания и, казалось, вот сорвутся и затопят серой мглой все—вод, большой высокий забор, весь этот старый железный хлам, окутают и заволокут много Нилыча. Старик плотнее нагнул плечу, передернув сжвие плечами, глянул по сторонам. Уныло кругом. Повсюду следы заущения, только ярче желтеет, омытая дождем, жавчина на железных остатках старых, рощеных зачем-то посреди двора огромных железных тачек. Нилыч сердито сплюнул. Пагнул раз, два... Зацепился за какой-то обомок, споткнулся, нелепо взмахнул руками—развалился площадной бранью. Ругал он сех: бога, людей, дождь, кусок железа. Браня ворча, почти незаметно для себя, подошел к громным воротам завода. Остановился. Грустно глянул на невероятно большой замок на верхних засовах, качнул резко, отрывисто головой и пошелся обратно к своему, как он азывал в веселые минуты, — «зимнему дворцу», маленькой, присевшей к земле дворничкой. Пролуку эту старик делал почти каждый день.

Шел Нилыч обратно все той же мелкой гарчешской походкой, — покрихтывая и поплеывая по сторонам, — такая уже привычка была старика. А мысли так и прыгали одна за другой. Даже дождь на них не действовал. Спомнилось совсем недавнее время. Первые есныи Октябрьской революции — «пашей», как мильно называл ее Нилыч. Бегство буржуев-падельцев. Уход рабочих на фронт на защиту Советской Республики. Закрытие затем завода. Горько говаривал он. Затем мысли перескочили почему-то на дальние, дальние годы, когда он был еще не таким стариком, когда он впервые познакомился и узнал революционеро-в-одпольников. Эх, как он тогда горел, как хотелось ему тогда видеть и пережить захват власти рабочими, о чем всегда говаривали риватели революционеры. Но как только он ходил в своих воспоминаниях до этого момента, Нилыч почему-то начинал сердиться.

— Как, почему, — недоумевал он, — мы, рабочие, хозяева. А вот поди ты-ж завода пустить

не могут. Добро ведь гибнет. Сорок лет прожил, сраму такого не ви ел.

По привычке ругнулся.

Нилыч в это время вплотную подошел к двери дворничкой. Машинально согнулся, чтобы влезть внутрь и даже взялся за скобку, но... в палатке раздался резкий гулкий стук.

— Кто там? — недовольно окликнул Нилыч. Не любил он посетителей. «Наверно, шантрапа какая» подумал старик «Дай да дай кусочек железа...»

Но на окрик никто не ответил. Только стук стал еще сильнее и настойчивее.

Нилыч с сердцем отшвырнул крышку «вочка» у калитки и одним глазом глянул на улицу. Перед воротами стоял автомобиль, а на тротуаре толкалась кучка каких-то людей.

— Что вам надо, товарищи, — окликнул их Нилыч, — завод закрыт. — Оттуда отделился высокий мужчина в кожаной фуражке. Подошел к дверям.

— Чего, старик, прячешься? — насмешливо блеснул он глазами. — Если завод заперт, мы его отроем.

— А вы кто будете? — не унимался Нилыч.

— Будет торговаться... — строго уже проговорил незнакомец. — Открывайте, товарищ, калитку, мы по делу пришли.

Нилыч щелкнул ключом в заржавленном замке. Щелкнул еще раз, со звоном отбросил щеколду и впустил посетителей.

Высокий, начавший с ним разговор, вытащил из кармана бумагу, развернул ее и подал старика.

— Вот, товарищ, наш мандат. Вы ведь сторож?

Нилыч при во ро се «сторож» сразу же обиделся.

— Какой я сторож, никогда щепной собакой не был. Век свой формовщиком обогатил в литейной, — ворчливо бурчал он.

К ним в это время подошли остальные приехавшие.

— Товарищи, что же, осмотрим завод, — обратился высокий к своим спутникам. И все гурьбой двинулись к входным дверям. Нилыч пошелся сзади. По заводу ходили они долго. Обошли все отделения. Во все углы и закоулки заглянули. Высокий держал в руках план; он видимо был за старшего, отдавал все время указания, советы что как сделать, с чего начать.

Выходя из помещения во двор, он подошел к Нильчу, любезно-ласково похлопал его по плечу.

— Вот, дедушка,—указал он на молодого человека,—ваш будущий заведывающий; с утра завтрашнего дня приступите к работе.

Нильч весь так и сжал. Умильно тряс в такт словам головой, подергивая себя за рукава.

— Пора, пора, товарищ,—поблескивая глазами говорил он,—запоздались.

— Ну, теперь скоро, дружнее за работу,—заметил будущий заведывающий,—и завод пойдет. Теперь легко. Стало посвободнее. От врагов-то поотбились.

— Знаю дело,—вторил Нильч, не могут супротив нас.

Когда посетители уехали, Нильч пришел к себе в хибарку, сел на старую покосившуюся кровать, сел и задумался. Весело, волно было на душе. Так, все и ничего. Замечтался старик Казалось, что не только завод пойдет, а уже пошел, чудилось даже, что слышит характерный, привычный заводской шум, веселый трудовой говор...

Не прошло и месяца. Завод нельзя было и узнать. Хлам убрали. Свезли тачки под навесы. Везде настаны доски, дорожки. Посреди двора правились кубами сложены дрова. Рядом чернеют тучи улья. Снуют повсюду люди, крик, прибаутки, смех. Жизнь так и бьет ключом.

Нильча нельзя и узнать. Он, как старый служащий, знает все. Его то и дело теребят туда-сюда. Но старик не чувствует и усталости. Он готов, кажется, разорваться хоть на тысячи частей, только услужить, помочь товарищам. Старуку успели и прозвище дать «хозяином», так его окликают повсюду. И воинственно он словно и хозяин, боится, чтобы не испортили много материала. Даже изредка и поворчит на товарищей.

— Что? Мало это,—отрызнется Нильч,—набыть обязательно все с гаком,—и он невероятно вытягивает руку, чтобы—воочию показать, какой величины этот «гак».

Молодежь посмеивается, другой даже и подражает. Но Нильч—человек не сердитый. Ведь если он поборанивает, так лишь потому, что знает, как сейчас трудно достать материал, и потом все теперь общественное, наше,—горделиво замечает он иной раз какому-нибудь субоскалу.

— А тут во как беречь надо, пуще зеницы ока.

Про литейную и говорить нечего. Нильч угла не оставил. Все прибрал, перебрал, вы-

мыл. Насеял земли, приготовил даже несколько форм. Литейщики тоже не отставали от старика. Работали с ним спорно, помогая во всем.

— Как картинка,—радостно хлопая себя в боках, ласково усмехаясь, твердил старик своим приятелям. И рысцою бежал из литейной в правление к заведывающему, чтобы узнать...

— А как насчет заказов?

Заведующий объяснил Нильчу, что теперь не старое время, когда надо было одному заводу вырывать работу у другого, теперь мы сами хозяева, сами же и работу распределяем на каждом заводе...

— Да, я знаю,—перебивал Нильч,—узнать-то надо, штука простая, когда знаешь, как—что, тогда и заготовить литейную ничем не стоит, а то свалится, как с неба, прилетит посылать то и то. Вот—тут-то и прохлопаешь. Не годится...—и Нильч сердито тряс бороду.

Но заведующий снова принимался его успокаивать, видя же, что это на него мало действует, сейчас выдумывал какое-нибудь поручение и просил Нильча исполнить. Старик и уклонительно все исполнял и снова или приходил обратно в контору или же в литейную.

— Надо у себя посмотреть,—говаривал Нильч, хотя идти ему туда новсе и не следовало бы.

Но старик не мог. Его тянуло. Работа, как первая по всем углам, захватила его, завлекла ему все чудилось, что если он постоянно минутку, работа если не остановится, то в всяком случае пойдет не так, как следует. Особенно же пугало Нильча то, что еще вчера должны были привезти для динамо подшипники и вот сегодня уже клонится к вечеру, но никто не приезжал и не приходил, и, главное, ничего не сообщали, придут ли нужная час или нет.

Нильч собрался даже сам пойти к нему по заведующий отсоветовал, говоря старик, что он уже справлялся и вещь привезут сегодня же. Нильч послушался, но все-таки то и дело выбегал за ворота посмотреть—не едут ли Сердце болело. Перед вечером, когда старик потерял уже надежду, что привезут подшипники, и благодаря этому затянется действительно работа завода, его позвали в правление. Когда он вошел в правление, там было много кулено; бледно светило электричество, у стол заведующего стояли члены завкома, мастера.

— Петр Нильч,—встретил старика председатель завкома,—а мы вас, товарищ, ждем дело есть,—и серьезное.

Старик недоумевающе оглянулся—что, мол за дело, казалось, хотел он сказать, но лишь

решительно сдернул с головы «заклепку». Резнажился блестящий, большой лоб, далеко-далеко уходящий вверх, и седые прилизанные волосы на висках и затылке.

Старик переминался с ноги на ногу. Он инстинктивно чувствовал, что здесь действительно есть что-то серьезное во всей этой торжественности.

— Видите ли, товарищ Петр Нилыч, — начал снова председатель, завтра завод пускаем, так будет собрание и вам мы решили предложить, да не только предложить, а мы, понимаете, все рабочие, вас просим быть председателем...

У старика как-то нервно задержалась борода, он было хотел видимо что-то сказать, но председатель не дал ему говорить и быстро перебил:

— Нет, нечего, не отказывайтесь, вы ведь герой труда, сорок лет работаете. Только вам и быть председателем. Ведь это наш завод, рабочий.

Нилыч как-то захрипел, открыл рот, силился было сказать что-то, но... вместо связной речи вырвались отдельные слова.

— Я... я... — бормотал старик, — я... ничего... только как же... — развел руками, голос у него задрожал, казалось, вот-вот сорвется, — завтра пойдет... — только и успел вымолвить Нилыч, из глаз хлынули слезы. Слезинки толпой одна за другой бежали по морщинам и притаились в седой, густой бороде.

— Что вы, Петр Нилыч, — окружили его товарищи.

— Я, ничего, — тихо, почти лишь губами, шептал старик, — я ничего, только сорок лет ждал... понимаете... день-то какой.

В. Касимовский.

Советский праздник.

Ах, не могу же, не могу
Не радоваться сказке новой, —
Заря на выпавшем снегу
Рубиновые ткет основы.

Когда иду с другими в шаг,
Не может сердце не гордиться —
Моя мятежная душа
Отражена на многих лицах...

Ах, не могу же, не могу
Не радоваться сказке новой, —
Заря на выпавшем снегу
Рубиновые ткет основы...

В. Алесандровский.

Сжигай, октябрьская Весна
Остатки старых недоверий. —
Освобожденная страна
Раскрыла солнечные двери.

О, сколько радостных зарниц
В глазах просвечивает знамя,
О, сколько в небо звонких птиц
Сегодня вышущено нами...

КРАСНАЯ АРМИЯ — ЛЕЧ Е РУКАХ ПЕРЛОСТАРГАТА

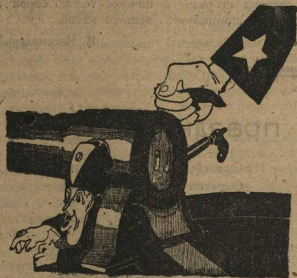
ТУТ И ДЕЛО С КОНЦОМ.

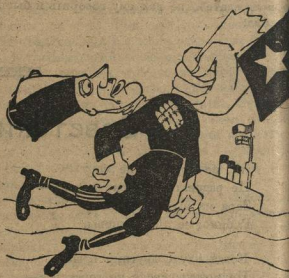
1. Разбит Врангель — бежит без оглядки.

2. Под защиту французских орудий

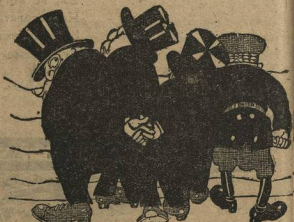
3. А мы не дадим играть в прятки.

4. Мол осиновый в генеральскую грудь.

5. Вот звыли международные бандиты над трупом последнего из своих наймитов.

6. Приходится мириться с судьбой — не удался разбой. — Демой, господа, демой!

7. Да не стои жей!

8. Дома — ждет вас конец точно таню же.

На лице улыбка — за пазухой камень

«Следует иметь в виду, что в случае падения большевистского режима в России, там может остаться анархия» — речь Ллойда Джорджа в Палате Общин.

Что ни день, то ловость. Бедь еще чуть не накануне тот же самый Ллойд-Джордж в той же самой Палате Общин говорил совсем противоположное

Большевики, — восклицал этот локчак, — враги всякого народа, это просто злостные грабители на большой дороге. их надо раздавить, засадить...

Дяди - буржуи хлопали в ладоши и хором вторили!

— Верно, справедливо-с.

Но «раздавить и засадить» да деле оказалась вещь абсолютно невозможной

Эти «разбойничьи большевики» оказались вовсе не захватчиками власти с большой дороги, а самыми неподдельными выразителями воли рабочих и крестьян всей России.

Но поверить этому сразу боялись, нет ли здесь подвоха...

Только ребёнку, по-детски скромно заговорили о

— Торговлишке с Россией.

Хотелось, конечно, побольше, сомнения только мучили:

А вдруг!

Но вдруг ничего не случилось. Польша пошла на «мировую», от фон-барона Врангеля не осталось даже и мокренького места.

Ну и пришлось тут уж признать волеи-волей

— Большевики — государственные строители. Уйдут они, — останется анархия.

И Ллойд-Джордж для будущего предупреди тельно шаркнул ножкой. Мол. пригодится,

да и задобрить не мешает, ведь доброе слово всегда в прок идет

Но должны ли мы ко всему этому относиться, как к искреннему признанию нашей Республики

Конечно, нет.

И речи об этом не может быть. Просто, из чисто экономических побуждений, материальной выгоды, Англия-желает как можно лучше использовать новое положение. Если английская буржуазия раньше боялась, — а вдруг придет в России новая власть, — то теперь, уверенная в прочности нашей рабоче-крестьянской, хочет расположить ее в свою пользу. Ведь ни для кого не тайна, что в Индии царит возбуждение, а иметь на границе с ней сильного врага в лице Советской России более чем опасно. Заводи, значит, с ней дружбу.

Вот Ллойд-Джордж решил открыть огонь

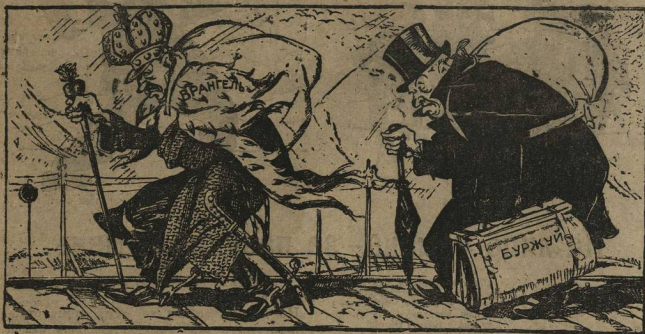
И «огонь» буквально по всему фронту. Английский премьер-министр не только признал за нашей властью государственное значение, а пошел дальше и последние телеграммы говорят о том, что на-днях в Палату Общин будет внесен проект будущего торгового соглашения с Россией.

Торопятся, спешат. Но не следует забывать, что всякая буржуазная власть до конца своих дней остается врагом Советской Республики

Чуть что колебнется. Чуть найдут капиталисты возможность новой попытки задуть коммунистическое государство, Англия и Ллойд-Джордж будут первыми в их ряду

У них всегда за пазухой камень. Советская Россия всегда должна быть готова к отпору и защите своих социалистических завоеваний.

Б. А.

Крымские беженцы

Переполох.

Лондон еще спал. Золотилась лишь заря. С грохотом, будя мирно спящих, к дому, где живет Ллойд-Джордж, подлетел огромный серый автомобиль.

Одним прыжком выскочил из него запыленный, засаленный по самые уши авиатор, подлетел к двери и с остервенением начал дергать за ручку звонка. Прошло несколько томительных минут. Наконец дверь отворилась. Авиатор рывком ее открыл и бурей ворвался внутрь.

Старый, весь седой, швейцар было хотел его остановить, но тот, не обращая внимания, стремительно побежал по лестнице.

— Сер, сер—вслед завопил старик,—он еще спит.

Но авиатора уже не было на лестнице. Отворяя пинком ноги двери, он перебежал из комнаты в комнату.

— Эй, джентльмен?—окликнул его выскочивший из боковой двери седоватый, сухой мужчина, в одних панталонах и рубашке.— Вы что? Хотите познакомиться с полисменом?

Авиатор остановился, круто повернулся на каблуках и заорал:

— Какой там полисмен, мне нужен Ллойд-Джордж, где он?

— Оль райг, это я.

Авиатор от неожиданности отирянул.

— Я, я...—начал он и запнулся.—Севастополь, сейчас только.

— Ничего не понимаю, при чем я, при чем тут Севастополь—развел Ллойд-Джордж руками. Авиатор наконец собрался с духом и залпом выпалил:

— Врангель разбит, бежал. Я прямо оттуда.

— Вы сумасшедший, вчера еще бежали красные черти. Он их гнал, как баранов. Идемте сюда—и Ллойд-Джордж открыл дверь кабинета.

— Врангель бежал, ничего там нет.—лепетал авиатор, я прилетел, вот полет...

— Молчите, чорт вас дери. Бежал!.. раз вы здесь, значит—бежал, обрушился министр.— Скажите, когда вы вылетели?

— Вчера в 12 часов дня я вылетел из Севастополя, согласно вашего приказа за №..., но он не успел окончить фразы. Ллойд-Джордж весь красный петухом наделет на беднягу.

— Я—бил он себя в голую грудь,—я приказывал? Никогда. Зарубите на носу. Россия наша будущая союзница, вы, вы—тыкал в авиатора палец—были без моего ведома. Я ничего не посылал. Поняли?

И министр рысью подбежал к столу, схватил телефонную трубку и неистово зазвонил в аппарат.

— Всех сейчас же,—гремел в комнате голос,—ко мне!

Авиатор, выгнувшись в струнку, только недоумевающе моргал глазами.

Ллойд-Джордж несколько раз сердито пробежал по комнате, шлепая босыми ногами по полу. Увидел застывшую фигуру.

— Поняли?—дико кричал министр.—Поняли? Я вас не посылал, что вам нужно, наконец, кто вы? Сейчас будет совещание кабинета министров, марш отсюда!..

* * *

Не прошло и часа. Кабинет премьер-министра был полон. Все в сборе. Ллойд-Джордж, уже успевший овладеть собой, ласково пожимал руки гостям.

— Вы понимаете?—обратился он к группе министров,—понимаете,—глянул вопросительно на военного министра Черчилля.—Я так и предвидел. Врангеля больше не существует. Я так и предвидел. Красные в Севастополе. Один убыток с этим мерзавцем. Сколько стоит?—повернулся он в сторону министра финансов.

Тот было открыл рот, чтобы ответить. Но Ллойд-Джорджа замахал руками:

— Не надо, не надо, помню. Десять миллионов фунтов стерлингов.

Министр финансов сокрушенно процедил лишь сквозь зубы:

— Накиньте еще пяток.

— Это все равно. Мы ведь с ним официально ничего не имели общего. Ну, словом, погиб. Надо выдумывать новое. Вы понимаете, господа, ведь это не шутка, Индия, Персия, Россия—слышите, Советская Россия, не представляю, что будем делать. Еще эти ирландцы,—все вверх дном идет. Сейчас же, Лорд Керзон, вы составьте ковую ногу. Вы представляете, что я хочу—ногу в таком духе: друзья, да, да—друзья. Нет, лучше: товарищ Чичерин...

Лорд Керзон так и замер на месте.

— Что вы, что вы,—перевил он Ллойд-Джорджа.—Так нельзя, ведь во Франции подумают, что и у нас, в Англии, тоже Советская Республика.

Ллойд-Джордж сердито поморщился.

— Ах, эта Франция, тысяча ей чертей, каждый раз введет в искушение. Я же говорил

Мильерану,—не будь дураком, не признавай пожалуйста этого проходимца Врангеля. Вот теперь накось выкуси,—и премьер-министр показал своим коллегам кукиш.—Телеграфировать сейчас же, сию минуту этому господину французу и сказать, чтобы не смел лезть ни с какими авантюрами. Не верю ничему, буквально ничему. Будет нам расплачиваться за чужие грехи. Ах, эта Индия,—неожиданс вспомнил он о самом больном месте.—Сейчас мы все поправим. Керзон объявит Красину, что я его люблю, так люблю, что последнюю рубашку отдам. Вот эту—потрогал он за обшлаг.—Но ведь, чорт возьми, надо же написать Чичерину. Итак вы находите, нельзя начинать—товарищ Чичерин.

— Нет, нет,—заголосили министры,—мы...

мы...—но они не успели окончить начатой фразы. Ллойд-Джордж поднял руку, желая видимо установить тишину.

— Начнем просто—дорогой друг. Нет. Не так, не так,—замахал Ллойд-Джордж руками,—слабо, совсем слабо, нет любезности. Начнете вот этими словами «дорогой друг и любезный коллега», повили, и все в этом же духе. Любим, уважаем, только Россия может спасти Европу, словом, так, чтобы мне не пришлось краснеть. А я сейчас же еду в парламент и заявлю откровенно—большевики это люди,

и их надо признать, завести торговлю, к ним ехать, только...—и он хитро подмигнул.

— К себе в Англию я не пушу. Ирландия, Индия, Австралия.

— Что вы там,—грубо перебил министр внутренних дел,—давно эти большевики уже залезли в Индию, там ими хоть пруд пруди.

Ллойд-Джордж сразу же рассердился.

— Вы говорите—их там много, да, много. Мне все равно, но зачем же вы портите мне настроение. Я должен сейчас речь говорить... Надоело... будет,—и премьер-министр вышел из кабинета, хлопнув дверью.

* * *

Мильеран схватил себя за голову и диким голосом завопил — весь Елисейский дворец:

— И ты, Врангель...

Стоявший перед президентом французской республики лакей поспешно кинулся к графину с водой.

Мильеран, увидя перед собой поднос со стаканом воды, со злостью кулаком ударил по ним.

— Вот, чтобы духу твоего не было, — гремел президент. — Проклятый большевик.

Испуганный лакей выскочил из кабинета, по дороге в дверях чуть не сбил с ног первого секретаря. Тот недоумевающе посмотрел.

Мильеран же, выгнав лакея, подбежал к письменному столу и взял крупнейшую телеграмму, повернул ее несколько раз, посмотрел на свет. В дверь постучались. Вошел министр иностранных дел.

— Что это, чорт возьми. Объясните, милостивый государь, — совал Мильеран телеграмму оторопевшему чиновнику. Вы понимаете, Врангель разбит, Польша, — ах, эта мерзавка, заключает мир. Да что Польша, ведь это дикая страна. Нет, полюбуйте, что выкидывает этот господин — из Лондона, этот... президент поперхнулся и через силу выговорил: Ллойд-Джордж... он тоже большевик. Вы понимаете большевик...вик... — свистел Мильеран. — Он заключает мир...

Мильеран обежал несколько раз свой огромный кабинет, остановился перед зеркалом, грустно показал сам себе язык, погрозил пальцем и, круто повернувшись на каблуках, подбежал к изумленно сидевшему министру.

— А вы, сударь, тоже большевик! — вдруг крико, безумно закричал президент французской республики и кинулся в него из кабинета, вопчая все горло.

— Большевик, большевик... и неистовый крик гулким эхом отдавался по залам и коридорам дворца. Отовсюду сбегались люди. Лакей, чиновники, домохозяцы. С большим трудом удалось поймать обезумевшего президента. Он долго не давался. Кусал руки, дрался. И когда его связали и положили на постель, было притих, но стояло кому-нибудь подойти к нему ближе, как он начинал снова вопить:

— Большевик, большевик.

Порываясь встать, он щелкал зубами, снова падал на постель, утихал, но потом с новой силой принимался за неизменное.

— Большевик, большевик.

Немедленно же был собран совет министров. Все во время заседания были смущены. Что делать. Скромно пожимали они плечами. В мае Дешанель сошел с ума, но тому не грех, его ведь головой визз спустили с поезда. Как тут не тронешься, — вещь немудрая. Но вот второй уже случил. Мильеран тоже задурил. Кто-то предложил привести и показать Мильерану старого Клемансо. Решили испробовать последнее средство. Через несколько минут Клемансо входит в комнату больного.

Но... о ужас. Стоило лишь Клемансо переступить порог президентской спальни, как раздался дикий смех Мильерана.

— Куда ты, старина — хохотал он — ты тоже большевик, смотри, дальше В. Ч. К. не пойдешь ха... ха... ха...

Клемансо мелкими шажками выбежал из комнаты.

НА СУББОТНИК.

Шумный покинули город:
Отдавы будни труду...
Зори прозвал взором,
В дыменных полях иду...

По полю брызнули сталью
Горы раскаленный восток...
Я разгадала дали,
Дали немых дорог.

Мускулы утро славят.
В мир Я с борьбой пришел,
Витязь в былинной славе
Эт городов и сел...

Черному вызов брошу:
Силы-то прибавлю!.. сил!..
Грузную утром ношу
С с риды и плеч свачил...

С. Объялович.

Очередная задача Красной Армии.

Геройским порывом сметен в море Врангель, разбиты банды Булак-Балаховича, Перемыкина и Петлюры, бежали на китайскую территорию и разоружены там остатки банд атамана Семенова. Одним словом—все наши фронты временно ликвидированы.

Временно. Этого ни на минуту нельзя забывать. Мы разбили врага, но не уничтожили его. Пока он жив—война в любой момент может разгореться снова.

Мы знаем, кто наш главный враг. Это—международный капитал, это все великие и мелкие империалистические державы мира.

Единственная в мире свободная трудовая страна—рабоче-крестьянская Советская Россия окружена со всех сторон кольцом грабительских государств, в которых попренежму давят и угнетают трудящихся помещик, фабрикант, купец и банкир. Эти государства могут на время затанцевать свою непримиримую ненависть к Советской России, могут на время прекратить военные действия против нас, когда наши сокрушительные удары уничтожат направленные против нас армии. Но примириться с нашим существованием, отказаться навсегда от надежды снова покорить свободных рабочих и крестьян Советской России эту капитала—они не могут.

Мир с Советской Россией—это для окружающих ее грабительских держав лишь кратковременный перерыв военных действий, собрание сил и средств для нового похода против нас.

Ничуть не потеряли надежды на возврат на царство наши российские помещики и капиталисты. Не присмирела ничуть златопогонная белогвардейщина. Кишми кишат ею все европейские столицы, и каждое новое поражение, нанесенное железною рукою Красной Армии, только разжигает ярость выгнанных господ.

До тех пор, пока победоносная рабочая революция в Европе и Америке не сметет с лица земли осиных гнезд, и уничтожит все дающие им приют грабительские капиталистические правительства, вводя повсюду советский строй по нашему примеру—до тех пор прочному миру не бывать.

И чем лучше сумеем мы, благодаря завоеванной победой Красной Армии передышке, наладить нашу внутреннюю жизнь, восстановить разрушенное войною хозяйство, тем опаснее войны больше. Чем лучше обстоят внутренние дела Советской России, с тем большей жаждою зарятся на рабоче-крестьянское добро окружающие нас со всех сторон хищники.

Строя новую, счастливую жизнь трудового народа, мы должны постоянно укреплять ее защиту—рабоче-крестьянскую Красную Армию. Единственное средство предотвращения новой войны, единственный способ избежать грозящее разрушение того, что мы строим с таким громадным усилием,—это сделать Красную Армию до того грозною силою, чтобы враг не осмелился снова попытку счастья, чтобы всякую попытку нападения на Советскую Россию можно было задавить в самом начале.

Как достичь этого?

А вот—все тем же путем, который до сих пор вел нашу Красную Армию от победы к победе

Во время французско-прусской войны 1871 г. победил, говорят, прусский школьный учитель. Во время великой гражданской войны 1917—1920 года победил рабочий организатор-коммунист.

Укреплять всеми силами, средствами сознательность Красной Армии, развивать ее братскую, коммунистическую организованность, сделать каждого красноармейца действительно сознательным и вполне развитым во всех отношениях борцом за свободную трудовую жизнь—вот наша задача.

Красные казармы должны стать школой новой свободной трудовой жизни. Учиться, учиться и еще раз учиться,—вот наша очередная задача. Учиться грамоте общей и политической, развивать всестороннее свое образование, учиться военному искусству, упражнять тело и дух,—вот путь, который вел нас до сих пор к победам и приведет нас к победе окончательной, к действительному миру.

Значительная часть Красной Армии идет в отпуск, по домам, чтобы там приложить все свои силы к мирному строительству

Пусть же и те, отпускаемые, не забывают ни на минуту, что они красноармейцы, что мир еще не обеспечен и в любой момент может вспыхнуть еще раз над нашей Советской Россией заревое военного пожара.

Все мы должны быть готовы снова ринуться в бой, дабы не дать пожару разгореться, дабы задушить его в зародыше.

Советская Россия—все еще вооруженный стан бойцов.

Уходя с фронта, в казармы или же домой, Красная Армия не перестает быть Красной Армией. Крепнуть с каждым днем, вырастать в несокрушимую, стальную силу,—вот ее задача.

Ф. Р.

В пути.

I.

Ну, как скоро тронемся?

«Не знаю. Дежурный говорит — следующая станция не принимает».

«Вот-те на. Ехали, ехали, все как по маслу, а здесь — на тебе, загвоздка. И до фронта осталось каких-нибудь 50 верст».

«Не везет. Ну, пойдем, погуляем».

«Куда?»

«Прямо, там летучка стоит».

«Пошли. Братва, идем. Гей!..»

Стоим на глухой станции. Южное солнышко невыносимо печет. Высунав языки от жары, тихо плетутся по платформе красноармейцы. Тени мало, кругом все степь, степь без конца.

«Ну, и жара. Фу-ты чорт возьми», откусывая кусок яблока, проговорил один.

«Да, жара отменная».

«И мух, окейных, сколько. Тыщи».

«И откуда их несет?»

«Прежде их не было столько, — замечает железнодорожник, — а вот как побывали здесь паны да оставили убитых, вот они и взялись».

«А почему их не убирают?»

«Крестяне не хотят. Насолили им здорово паны, так вот они их не убирают. Красноармейцев убирают, а панов собакам бросают. Гниют, вот и мухи питаются ими».

«Орудовали, значит, здорово».

«И говорить про них тошно. Вот, видите сгоревший состав, — указывая рукой на состав, продолжал железнодорожник, — взяли они в плен красноармейцев, заперли их в этот состав. Когда подошли красные, они отступали да и загляли. Мы сидим и не подозреваем. Да спасибо одна девочка проходила. Услышала их крики, прибежала, сказала нам. Если бы не она, сгорели бы все... Век будем помнить их».

Около летучки толпа красноармейцев, матросов, железнодорожников. Из вагона выглядывает труба граммофона. Шипит. Все, вытянув шею, жадно слушают, жадно ловят слова.

«Вот благодать. Было ли раньше? А?»

«Где же... Был я в ту войну на этой же станции, так не хотелось и выходить из вагона. Газет нет. Выйдешь, смотришь по сторонам. Ковкий знай. А не отковыряешь, нагоняй».

«Да и были времена!», лоя мух, проговорил раскрасневшийся красноармеец.

«Верно, брат, сейчас с комиссаром под руку идешь да разговариваешь, а раньше на три версты бежишь от офицера...»

Ты играл, моя дудка,

Ты играл

А я, старенький, проселочком

Всю еду, —

несется из трубы,

Подымайся, люд честной

На врагов...

— «Демьян, что ли?»

— «Он».

— «Ишь, мошеник, здорово как разделяет».

Героя, ситальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы
Вам песня поэта, рублиновых слов.

«Ишь ты, про матросов».

Поглядывают на матроса. А он стоит, как ни в чем не бывало, смотрит в дуло своего карабина, дует в него. А лицо его хочет сказать: пустяки. Ничего особенного нет. Ну, и воевали, ну, и умирали. Это так просто.

Орлиною кровью не раз омывали

Проспекты, панели асфальтовых плит...

У-у-у...

Гудит. Идет еще эшелон. Веселее будет.

Марш вперед, броневой завод,
Товарищи шофферы.
Звук ликов зовет нас в бой,
Заводы моторы...

несется из окон.

«Прицепляют нас к ним», сообщает улыбающееся лицо. Прицепили:

У-у...

«Нюхай», заявляет мне товарищ.

«Ну, что-же особенного?»

«Слышишь, пахнет».

«Чем?»

«Углем. Углем идет паровоз — радостно заявляет приятель».

Поезд идет. Из дверей и окон несутся песни. Песни вольности, труда. Широко расстилается степь. По отко.ам валяются груды, целые сторевшие составы поездов. Это паны, отступая, жгли в бессильной злобе.

Тра-та-та... мерно стучат колеса.

Бум-бум... слышны выстрелы. Подъезжаем к позиции.

II.

Идет бой

«Идемте — говорит комбриг, — потолкуем с нашими ребятами, пока отдыхают. Покажу вам юного героя, представлен к ордену «Красного знамени».

Подходим. Полк расположился на отдых в деревне. Все разместились по кучкам, ведут горячие беседы.

«Да, когда-то мы здесь воевали. Кровь свою проливали», рассказывает старый солдат.

«Верно. Помню я был еще 14-летним, объявили войну. Убежал добровольцем, — по глупости своей... Родину защищать... За веру, царя и отечество... Вот там меня еще ранили. А теперь я иду по этой же дороге сознатель-

но. Иду за власть, за власть трудящихся, рабочих и крестьян. Как вспомню, что я шел из воевал за власть помещика и банкира, так стыдно станет. Ну, думаю я, грех свой исплю вот этим походом».

Из-за углов показывается конница.

«Это что за польская конница?» спрашиваю я.

«Это червонное казачество».

«А что она на польскую смахивает, так это она всеполю на их обмундировании лежит. Захватили обоз обмундирования, ну и оделись... Обмундировка хорошая. Прочная, сукодная».

«Куда то они трахнули?»

«Боевую задачу выполнять».

«Задачу выполнять!.. — Помилуйте, да их всего сорок человек».

«Это им ничо чем, — вмешался щупленький красноармеец Тамбовской губ., — они ребята аховые. Намедни бой был. Наш броневик Грозный прорезал одну маленькую лазейку — то, в проволочном заграждении-то. Да. И не успел он глазом моргнуть как они-то забрались. Это сорок человек-то. Да. И что же, вы, мол, думаете. Перерубили и-и-и... сколько и в плен взяли. Что и говорить. Ребята аховые!»

Жур-жур-жур... доносятся звуки мотора, из-под горы показывается броневая автомобиль».

«Наш, наш, Грозный», несется отовсюду. Действительно уж «грозный», машина здоровая. Смотреть на него жутко.

«Отменный автомобиль», — говорят мне, — и команда хорошая, никакого чорта не боится. Один выезжает, без прикрытия. И орудует здорово. Вот под В. рвал проволочные заграждения, ажно пыль летела. Подойдет к окопам да в упор и жарит».

Из лока выглядывают веселые, жизнерадостные лица.

«Посхал либо опять рвать заграждения?»

«Газеты, газеты!» проносятся в воздухе. Подъехала фура. Идет раздача газет. Все жадно читают. Тихо, медленно тянется время. На шоссе, подымая пыль, несется мотоцикл. Подъезжает, дает пакет комбригу, а сам, пока ждет ответа, весь грязный, улепetyивает хлеб с яблоком.

«Фронт прорван, просят подмогу. Гонят его во-всю. Автомобили не успевают его догонять!»

Мигом собралась. Двинулись.

Жур-жур-жур... проезжают еще два броневика догонять их.

Бой разгорается.

III.

«Бабуся, нельзя ли чего вскипятить?»

«Можно, отчего нельзя. Пить захотели?»

«Нет. Хлеб у нас есть, так вот мы его поедим с чаем. Есть хочется».

«Есть хочется!.. Молока ли не хотите? Ганька, беги на погреб!» Что же вы раньше не сказали? Я бы и курицу сварила... Щей не хотите ли?»

«Да, ты, бабуся, не хлопочи. Что есть, то и давай».

«Да для вас и не жалко похлопотать. Вот, если б паны, тогда бы другой разговор был. Для вас можно все найти».

«А для пана?»

«Нема».

«Почему?»

«Вот вы пришли и не просите ничего. Голодно, а молчите, а если и спросите, то «нельзя ли» да «пожалуйста». А пан пришел к нам, да прямо заходит и говорит: 3 литра молока, столько-то хлеба, столько-то муки, овса. А если не дашь, то шлеткой по заднице огреет. Да мало того. Они пришли, а за ними и Вайцетовский барин пришел. Отобрал свою землю от нас. Велел снопы возить, да еще денги взял за то, что мы скотину пасли на его земле».

В халупу бомбой влетает ординарец. Вытанувшись, представив руку к козырьку, начал рапортовать.

«Доносу, что на шоссе в станции В... появилась со стороны неприятеля танка пушечная, которая огнем нашей артиллерии подбита и взята в плен, танка идет сюда» — и повернувшись на каблучках так же вылетел, как и влетел.

«Ого, дисциплина у вас того... здоровенькая...»

«Да нет... Это они сами вводят.—Что это за солдат, с ним разговаривают, а он в носу ковыряет? На службе по-служебному. А вот в клуб придем, так извините, тянуться не буду,—

зот как они рассуждают. Однако пойдемте, посмотрим на танку».

Выходим. Где-то далеко журчат мотор.

Гыр-гыр, гыр... Гыррр... р... гы гы...

И из-под горы показывается танк, кругом окружен кавалерией.

«Не пойму. Говорили подбили, а сна идет», замечает Начдив.

«Не-е... Это вот как было», вмешивается в разговор красноармеец, приехавший с танком. Висморкавшись, как следует, начал рассказывать:

«Лежим, значит в цепи. Лежим и стреляем. Вдруг смотрим ползет. Ползет и ползет. И ничто ее не берет, бугорок стоял, на бугорок вошла, дерево стояло—сломала. Кумекал, кумекал и раскумекал. Это, говорю я, братцы, танка и настоящая аглицкая танка-то. Да... Ну, что ж... дали знать батаре. Сначала по ней жарили, ажно нам страшно стало. Ну что ж. Жарят, а она пре... пре, и пре без никаких. Что за оказия, думаю, снаряды ложатся около, а ее не берет ничего. Ан глядь, она и осталовилась. Ну, думаю, подшибли, теперича наша. Вот я и говорю Петрунчеву, пойдем возьмем ее в плен-то. А Петрунчев говорит: ладно. Взяли бомбы и еще удальдов и поперли. Ползем. А он, сучий сын, увидал да ка-а-ак зажарит из пулеметов... А тыфу... Да. Ну мы, конечно, залегли... Он перестал, мы ползем. Он опять, мы опять залажем. И так к нему все ближе и ближе. А Петрунчев взял да обходом, и не успели мы глазом моргнуть, как он у танки. Подполз к ним и кричит: «Сдавайся! сучий сын, в рот тебе пирога с горохом. Я вот подложил пироксилиновую шашку, запызырит тогда и глядай!» Ну а они не тас. Он опять говорит: «Сдавайся, а то и сам погибну и вас погубю!» Ну, значит, они потолоковали да и сдались. Вышли. Мы, значит, окружили их, сбавали. Спрашиваем: «почему танка не идет», а они нам и говорят: «Машина лопнула.» Машина, а мы думаем артиллерию подбита. Кумекал, кумекал, как с ней быть и раскумекал. Окружили ее мы цепью, а сами вызвали шофферов из наших броневиков. Пришел один шоффер, он еще у белых на танках служил раньше, посмотрел и говорит: «Эх ты, шальная твоя голова... ляскатор у тебя засорился... Да, тыфу... Ну что ж... Прочистили этот ляскатор, завели да и пустили, сел он да и поехал. А мы, значит, того, охранять взялись. Вот вам и весь сказ» и сорвав сушеный лист табаку со стены, где они сушились, стал закручивать цыгарку.

«Ты, сам чей?»

«Кто?»

«Ты».

«Мы-га?»

«Ну, да».

«Мы-то разанские. Пятихаткин Савелий. А находимся в N-ском полку, 2 рота, 3 взвод, 1 отделение».

«А Петрунчев где?»

«А вон»...

Во время рассказа Петрунчев лезил по танке, подлезал под нее, влезал в нее, заглядывал во все уголки и дырочки танки, прощупывал всякий винтик и прочно бил кулаками по броне, прощупывал, крепка ли броня.

И посмотрев на 3-дюймовую пушку, заглянул в ее дуло, сунул туда руку и повертел. Довольный всеми наблюдениями, слез.

«Петрунчев, как твое имя?»

«А на што?»

«К награде вас хотят представить».

«К награде?...» и он подошел к нациву и сказал:—«Вы мне лучше папироску дайте, с утра не курил».

Получил папироску, закурил ее крикнул:

«Айда в цепь, панышку ушить!» И в прыжку, как козлята, пробежали в окопы.

«Вот они все такие: когда речь пойдет о награде, они говорят—к чему?—Волков бояться в лес не ходить. А что здесь особенного, что волка убил, будьте вы на моем месте, то же сделали, что и я».

Стройными рядами тянутся по обе стороны шоссе белые хатки, тонут они в зелени. И зеленые мохнатые лапы заслоняют их от зрителей.

На шоссе стоят автомобили, около одного бронесового автомобиля кучка шоферов, что-то чинят.

Шум мотора.

«Фиат идет» догадываясь по шуму мотора, несется возглас из кучки.

«Нет, Полкару, начальник штаба едет».

Спор прекращается с появлением автомобиля. Плавно подошел к автомобилю и остановился.

«Какая часть?»

«N-ский авто-броневой отряд».

«Что это вы чините?»

«С боя приехали, ось выправляли».

«Как ж? она погнулась?»

Выехали мы, а он на нас траншейкой жарил. Мотор от чего-то заглох. Вышли мы

само, да около машины снаряд разорвался. Пулемет сбил. Двух ранил. Завели только, стали развертываться, откуда ни возьмись лошади с телегой зашаркались. Хотели лошадей миновать да в канаву и влетели. Ось погнулась».

«Выправили?»

«Ага! Через полчаса опять в бой можно. Папироски нет», заключает рассказчик. Начштаба открывает портсигар. Портсигар полон, через минуту он становится пустой. Один шофер лезет за пазуху, достает отсюда грушу с кулак и подает начштабу. Он берет. Шофферы переглянулись и некоторые срываются с мест, несут кто арбуз, кто дыню. Он не отказывается, берет. Через некоторое время автомобиль плавно, нагруженный всяким фруктами, отъезжает. Шоферы, довольные, пощипывая папироской, начинают работать.

«Жизнь хороша!» — заявил шофер.

«Ты что, Карлов?»

«Я говорю, жизнь хороша. Вот говорили с начальником штаба, брали папироски, угощали kavунами. И ничего. А когда я служил у добровольцев, то не только с начштаба, со своим начальником отряда не поговоришь. Так-то».

«А как же ты сюда попал?»

«Послали на разведку. Гришел. Гуляю я и присматриваюсь. Вижу жизнь другая. А как попал в клуб, да на собрания, да на митинги, да и решил. Заявился в штаб и говорю: так и так, мол, я разведчик. Жизнь понравилась у вас, хочу жить. Живи, говорит. Вот я и остался».

Солнце садилось. Взрывы приходились, как раз против солнца.

«Ишь ты, солнце загоняют!»

«Загоняют...»

И по мере захода солнца, убавлялись и кудрявые клёксы, появлялись новые, но они не были белоснежными, а в лучах заходящего солнца были серыми с красноватыми стенками. И во время взрыва это облачко бороздила огненная полоска. Солнце село. С каждой минутой утихла команда. Подкралась южная ночь. Блеснули звездочки.

Тишина.

Где-то звякнул пулемет, звякнула пушка и устыдись тишины, замолкла

Красноармеец В. Владимирский.

Белая песенка.

Спесь помещичья в народ
Ходит, песенки поет.
Ходит, сказывает сказки,
Обезьяны строит глазки:

Спесь баронская
в народ
Ходит, песенки
поет.
Ходит, сказывает
сказки,
Обезьяны стро
ит глазки..
Но от красных
от ворот
Кажут Спеси по-
ворот;

Поворот оглоблей кажут,
По губам метлою мажут:
«Красным белое не вмасть!
Выметайтесь, не засты!»
Что же Спесь? Да нет
ответа...
Видно, песенка долета!

Ведь Светы вам не власть?
Мне отдайте, братцы, власть!
Я-б российскому народу
Принесла с собой свободу,

В городах и на селе-б
Был бы снова белый хлеб!
Дам я землю, дам я волю
Всяк свою получат долю:
Все свободы—господам
Всем дворянам—волю дам,
Дам помещику угодыя
Чин и званье благородья;
Кур, ячек дам попу
(Подбирайте скорлупу...)
Награду я всех по чину
Кулаку—на стол свицну...

А как сналим в море Спесь,—
Туг и сказ закончен песь.

Нин. Иванов (Армен).

Ну, а доля бедняка?..
Два чугунных дам замка
Да с решетками кваргиру!
А крестьянскому я миру,
Чтоб про землю не гадел,
В три аршина дам надел,
А заслужит, так прикину
Шесть тесин на домовину!..

Врангель разбит, но они все мечтают о том же.

Победили.

Деревня Разгуляй была во всех отношениях дикая. Ни ячейки, ни клуба, ни школы, — тамта тмугараканская непроходимая, карты, самогонка, драки... Работавшие по соседству в бывшей барской экономике красноармейцы трудовой роты караульного батальона ругали мужиков на чем свет стоит. Наступили ранние холода, а почевать приходилось в сараях, о том, чтобы добиться постоя в хатах, не было и речи. Днем зайти — и то неохотно пускали, воды спросишь, проходи, и то неохотно дают, только и смотрят, к к бы поскорее убрался со двора гость незваный. Известное дело: дезертир у печки сидит, неохота ему в лес бежать.

Деревня зажиточная, всего вдоволь, а красноармейцу ничего не продадут, на одном скудном тыловом пайке приходилось пробиваться, а работа была спешная, тяжелая.

Как то в субботу поздно к ночи вспыхнуло над Разгуляем зарево пожара. Повскакали на ноги совсем было собравшиеся спать красноармейцы, побежали в деревню пожар тушить. А в деревне гвалт неописуемый. Улица запру-

жена народом, толпятся, орут, галдят, спасать никто и не думает.

— Где пожарная дружина, бочки, шесты? — спрашивают красноармейцы, ничего добиться не могут. Повидимому, нет и в помине. Протокались к горящим хатам, а там настоящая драка, кого-то в огонь бросать собираются, кричат, что он по пьяной лавочке поджег, почудилось ему, что вернулось доброе старое время, страховку сорвет.

Разогнали красноармейцы толпу, давай тушить пожар.

Беда! Бочек нет, ведро и то силой приходилось брать — не дают, далеко, говорят, горит, до меня не дойдет, а ведро пропадет, где ж ты его поне купишь... Помогать никто не идет.

Умались красноармейцы невероятно, а все-таки пожар потушили к утру. Сгорело дочиства дворов шесть, лю и все спаслись, скотину тоже у щели вывели. Одна телка всего-навсего погибла да овец штук пять.

Легли спать усталые ребята, а к вечеру митинг устраивают, крестьян созывают. При-

шли на этот раз, заинтересовались, о чем это красные митинговать собираются.

И вот спрашивает председатель собрания, обращаясь к крестьянам.

— Как же теперь отстраивать деревню будете?

— Как так?— удивились даже разгуляевцы.— Наше-то дело какое? Пускай погорельцы отстраиваются сами, как знают.

Плюнул только председатель и обращается к красноармейцам

— Давай товарищи, покажем им пример. Через неделю—воскресник, за лесом, а там, как ни тяжело, надбавим каждый день по два часа работы, отстроим погорельцев.

Не поверили мужики, посмеялись, по домам разошлись.

А красноармейцы взялись за работу и до первых снегов выстроили шесть хат честно, одни лишь стекла да скобы пришлось погорельцам покупать.

Выстроили, собрали снова митинг, пригласили крестьян. И говорит председатель, обращаясь к смущенно молчащим гостям:

— Вот вам, черти полосатые, позор вы этой всероссийской, красной подарком от трудармии, знайте, кто такие коммунисты, знайте, кто спасает Россию от гибели!

На следующий день к председателю ротной ячейки явился человек пять дезертиров, прося отпустить их по принадлежности в часть, да непременно на фронт: пристыдили вы нас очинно,—говорят

Это были сыновья погорельших. Через неделю возникла в Разгуляе ячейка союза молодежи, через месяц был уже клуб в деревне и ячейка сочувствующих.

А к весне крестьяне собрали сход и порешили соединить все наделы и организовать коммуны.

Красная Армия одержала еще одну победу.
Андрей Стубеда.

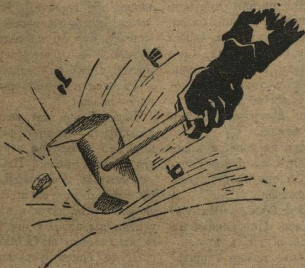
Красная пуля.

Докрасна накаливаясь в дуле
Яркая сверкает пуля.
Вихрем мчится в дальнюю дорогу—
Надо пролететь ей много.

Путь свинцовые застлали тучи
Прорезает их полет м.гучий:
Докрасна накаливаясь в дуле,
Светом бддит пуля всех, что позаснули.

Красным заревом сквозь мрак сверкая,
Надо мир ей пролететь до края
И, ударив с свистом в синие море,
Разбудить заснувшие в нем зори.

Ф. Радванский

Добили последнего генерала,
Вольготней с владо!
Теперь за работи

Долой разруху! Долой лень.
Все за труд для грядущих поколений!

Строчить будем
головы мир! Счастье свободным людям

Да смотит в ова,

Не бр сая винтовку пригодится монети!

Еще ведь на свете бирюжу есты!
Он повесил головку,

Бессильная злова груди ебо глонет,
А все еще, бестия, мечтает о мести,

Крови хочет, вестия, и власти,
Ненавистно ему собщее счастье

19
17

**ТРИ ГОДА
НА
БОЕВОМ
ПОСТУ**

**ОБИЛЕЙНЫЙ
№ 35
КУРНАЛА**

КРАСНОДАРМЕЕЦ

ПОСВЯЩЕННЫЙ

**ТРЕХЛЕТИЮ
КРАСНОЙ
АРМИИ**

